

Болонское соглашение

Радиопередача, часть 1, 7.4.2004, Радио „Свобода“

Авторы и ведущие программы Владимир Губайловский
и Александр Костинский

Александр Костинский: Здравствуйте, уважаемые радиослушатели. Сегодня мы будем говорить о Болонском соглашении, о процессе объединения в единую систему высшего образования в Европе. Это крайне актуальный вопрос, так как в октябре 2003 года в Берлине Россия присоединилась к Болонскому соглашению. Как и практически по всем вопросам реформы образования позиции резко разделились. Многие специалисты считают, что это замечательная возможность для российского образования. Даже не окно, а дверь в Европу и из Европы к нам. А вот пугающий заголовок статьи противников Болонского соглашения: „Иудино время: Российской высшей школе грозит „Болонская реформа“. Появился даже уничижительный термин „Болонка“. Сегодня мы постараемся разобраться, что же такое Болонский процесс, и какое место в нем разумно занять России.

Сегодня о Болонском соглашении в московской студии Радио „Свобода“ говорят: Владимир Миронов – проректор Московского Государственного Университета имени Ломоносова, начальник Управления академической политики и организации учебного процесса МГУ, и Виктор Чистохвалов – доцент кафедры сравнительной и образовательной политики Российского Университета Дружбы Народов, член Европейского общества сравнительного образования.

Прежде, чем мы перейдем к главной теме нашего разговора – к Болонскому соглашению, я бы хотел задать вопрос, который очень волнует многих наших слушателей: в каких странах мира дипломы российских вузов признаются, как дипломы о высшем образовании? То есть главный аргумент сторонников Болонского соглашения, это признание дипломов российских вузов. А что сейчас?

Виктор Чистохвалов: Нашему Университету Дружбы народов проблема признания квалификации ясна еще с момента образования университета в 60-м году. Потому что мы выпустили 45 тысяч студентов-выпускников, однако, даже в странах третьего мира, как мы раньше это называли...

Александр Костинский: Иностранных выпускников?

Виктор Чистохвалов: Только 45 тысяч иностранных студентов мы выпустили. Для 115 стран мы подготовили выпускников, и в большинстве из этих стран дипломы советской высшей школы не признавались. Это частный случай Российского Университета Дружбы Народов. Что касается общей ситуации,

то наша высшая школа идет по пути заключения двухсторонних соглашений по признанию. Это единственный пока путь.

Александр Костинский: Значит, в 115 странах не признавали?

Виктор Чистохвалов: Мы подготовили выпускников в 115 стран, более чем в половине не признавались наши дипломы, требовались особые тесты, разные экзамены для выпускников, в частности, в медицине, это везде практически. Поэтому проблема существовала очень давно, ее необходимо было каким-то образом поправить.

Александр Костинский: А в Европе признаются наши дипломы?

Виктор Чистохвалов: С некоторыми странами, с Францией, в частности, есть двусторонние отношения, с Италией и так далее, но не со всеми странами, естественно. Вот что побудило российскую сторону каким-то образом подключиться к Болонской декларации.

Александр Костинский: И тогда, наверное, надо рассказать, что такое „Болонское соглашение“ или „Болонский процесс“?

Виктор Чистохвалов: История вопроса довольно-таки проста. В 1999 году, совсем недавно, министры, ответственные за высшее образование 29 стран, подписали декларацию, куда Россия, конечно, еще не входила. Но, если говорить более точно, сам процесс начался с 1998-го года после так называемой Сорбонской встречи, где представители четырех государств – Франции, Германии, Италии и Англии договорились объединить усилия. И ровно через год они собрались в Болонье на праздновании в честь 900-летия старейшего университета в Европе и заключили эту декларацию. В настоящее время с сентября прошлого года, когда было подписание декларации российской стороной, 40 стран входят в это соглашение и декларацию.

Владимир Миронов: Я бы здесь добавил следующую вещь. Конечно, для Московского университета ситуация особая. Наши дипломы на самом деле всегда везде признавались, кроме медицинского факультета, но и то последние три года мы добились того, что дипломы признаются. И поэтому, поскольку Московский университет относится к элитному уровню образования, для нас непосредственно эта проблема не стояла. Какая проблема стоит для страны, и она опять связана с теми процессами организации, которые в стране идут? К сожалению, за последние годы открылось огромное количество вузов, более трех с половиной тысяч вузов вместо семисот по отношению к советскому времени.

Александр Костинский: Сейчас три с половиной тысячи вузов? Это аккредитованных официальных вузов?

Владимир Миронов: Имеется в виду с филиалами и так далее. И, конечно, такой разброс заставляет страны задумываться. Ясно, что не каждый диплом не

каждого филиала можно признать. Поэтому надо разделить вопрос: признание дипломов элитных вузов, когда нужен наш специалист – физик, математик, конечно, его берут без всяких проблем, иногда даже без диплома с пятого курса, у нас такие случаи есть. У нас есть факультет "Наука о материалах", который возглавляет академик Третьяков, где студентов переманивают с четвертого-пятого курса в Германию, в институт Макса Планка, в частности, и дают великолепные условия для работы.

Александр Костинский: Для ведущих вузов даже сейчас проблема признания диплома не стоит?

Владимир Миронов: Остро не стоит. Для Московского университета – можно еще жестче оговориться.

Александр Костинский: Вопрос признания диплома – это все-таки не вопрос только соглашений между странами. Во всех развитых странах Запада, да и Востока, есть ассоциации – ассоциация банкиров, ассоциация физиков, математиков и так далее. И очень часто работодатель не может принять диплом, в частности, в медицине это, может быть, наиболее остро, работодатель не может принять диплом без согласования с соответствующей ассоциацией.

Виктор Чистохвалов: Это один из аспектов, одна из десяти позиций, которая признана на Болонском процессе – гарантирование качества. Действительно, в этой части мы отличаемся практически от всего остального мира. Как построена система в России? У нас министерство, государство создает вуз, дает право преподавать, и через пять лет, когда проходит первый выпуск, оно его же аттестует. То есть аттестация у нас рассматривается как этап подтверждения качества. Причем это состоит из двух частей – внутренняя аттестация университета и внешняя, которую возглавляет чиновник из министерства. Как построено в других странах, и в Америке, и на Востоке, и в Европе? Там существует третий этап – внешняя аттестация, которую проводят профессиональные союзы медиков, юристов, инженеров и так далее.

Александр Костинский: Которые от министерства не зависят, и им нельзя отдать приказ.

Виктор Чистохвалов: Но так как, честно говоря, государство должно контролировать качество, то оно должно прислушиваться к мнению этих профессиональных союзов. И приоритет профессиональных союзов на Западе стоит очень остро. Более того, на последнем заседании рабочей группы в Риме и в Берлине говорилось о создании в Европе панъевропейской ассоциации, то есть, при аккредитации, проверке качества какого-то национального вуза будет участвовать представитель или несколько представителей любой из стран Европейского содружества. Мы данную систему, по словам бывшего министра образования Владимира Филиппова, в ближайшие два-

три года должны сконструировать. Европейцы, в соответствии с их намерениями, планами, которые лежат передо мной, они хотят создать панъевропейскую ассоциацию в течение ближайших пяти-шести лет и очень острожно.

Александр Костинский: То есть мы идем впереди Европы всей?

Виктор Чистохвалов: Нет, мы не идем впереди, мы еще не создали внешнюю аттестацию. Хотя, мы знаем, у нас очень сильные ассоциации медиков, юристов, инженеров, и мы по этому пути пойдём, мы пока в этой ситуации будем догонять, если нам будет выгодно, конечно.

Александр Костинский: Почему именно сейчас создание единого образовательного пространства настолько актуально для Европы? Все-таки процесс идет очень быстро. Образование – это одна из самых консервативных сфер, и в ней изменения идут десятилетиями. А здесь же, если взять основные вехи Болонского соглашения, они уже годами исчисляются.

Виктор Чистохвалов: Поставлена цель этой декларацией, она никого ни к чему не обязывает, мы можем прислушиваться к этому, можем не прислушиваться. Цель обозначена 2010-м годом. И действительно, Европа была вынуждена заключить соглашение об интеграции по простой причине: у них была большая нехватка в 90-х годах рабочей силы. И была сделана ошибка рядом стран, Францией, например, Голландией, когда они граждан из бывших своих колоний пригласили для того, чтобы заполнить рынок труда. Но теперь появились большие демографические проблемы, связанные с ростом населения, с понятием национальности и так далее. Это была ошибка, и все это поняли. И для того, чтобы использовать специалистов одинаковой квалификации из какой-то одной страны европейской или пусть даже не европейской, но отвечающей требованиям Европы, в какой-то другой стране, для этого и был задуман Болонский процесс.

Александр Костинский: Демографическая ситуация во многом?

Виктор Чистохвалов: Частично в этих двух странах она подсказала, что нужно подойти к этому так. А теперь речь идет даже не столько об академическом признании дипломов, квалификаций, а профессиональном признании. Это – техники, сантехники, мастера, менеджеры. Академическое признание волновало в меньшей степени. Потом началось развитие, к которому мы сейчас подключились.

Александр Костинский: Еще один вопрос, который часто поднимается в обсуждении Болонского соглашения. Европа пытается каким-то образом конкурировать с Америкой в предоставлении услуг по образованию.

Владимир Миронов: Безусловно, это так. Ясно, что политические аспекты Болоньи понятны – они объединяют Европу в единую не только экономически, но и в образовательном процессе. Единственное, в чем я, может быть,

несколько скорректирую моего коллегу. На самом деле какая поставлена цель? Есть демографическая проблема, есть проблема трудоустройства, действительно, ее упустили. Я хочу спросить, нужно ли нам, чтобы эта проблема решалась за наш счет? Не получим ли мы ситуацию, когда наши люди, которые и так достаточно много уезжают, окажутся в рамках этого Болонского процесса людьми, которые понадобятся там на уровне достаточно невысокого образования. Там их ждут, безусловно, такие случаи есть. Но политически понятно, что это, с одной стороны, антиамериканская позиция Болонья – это тоже ясно.

Александр Костинский: То есть получается, что существует опасность, что средние и лучшие студенты из России, благодаря свободному перетеканию, смогут более свободно передвигаться и уедут в европейские страны или же будут там проводить больше времени, что может нанести некий ущерб качеству образования в России?

Владимир Миронов: Формально эта опасность и сейчас существует, это не связано непосредственно с Болонским процессом. Болонский процесс позволяет, если смотреть в рамках образования, включать в свое образование внутреннее обязательное посещение или учебу в других университетах. Но, конечно, потенциально это будет способствовать перетеканию лучших студентов, я думаю, это факт.

Александр Костинский: Но это хорошо, когда студенты ездят, говорят на других языках – это, конечно, очень сильно обогащает.

Виктор Чистохвалов: Я хотел бы прокомментировать сразу тот вопрос, который вы задали. Действительно, матушка Европа хочет поконкурировать с американцами. Это вопрос глобальный, даже геополитический. Почему возник вопрос конкуренции Европы с Америкой? Только потому, что Европа в последнее десятилетие начала проигрывать. Цифры: в Америке сейчас более 650 тысяч иностранных студентов. Во всей Европе не наберется и 250 тысяч, из которых 140 – в Великобритании, остальные – в континентальной Европе. А что это означает – „транснациональное образование“? Студент платит, во-первых, за свое обучение, он живет, кушает, он покупает одежду, он участвует в экономике той страны, в которой он живет. И таким образом, получается, что только от одних иностранных студентов США получает такую сумму денег, которая превышает сумму бюджета, которая тратится на образование в России.

Александр Костинский: Мы сейчас затронули основные цели, которые преследует Болонский процесс. Россия вошла в этот процесс. Насколько это выгодно? Давайте постараемся на этом сосредоточиться.

Владимир Миронов: Насколько это выгодно для Европы или для России?

Александр Костинский: Для России.

Владимир Миронов: Я хочу подчеркнуть первый момент. Во-первых, любая интеграция несет как положительные моменты, так и негативные. Я уже говорил о том, что в основе диалога культур лежит обмен той информацией, которая, может быть, не очень понятна. Если гипотетически представить, что мы все интегрировались, то мы можем получить некоторое мертвое пространство. Я всегда привожу такой пример студентам, когда они меня спрашивают: мы с вами живем на одной лестничной площадке, и мы с соседом захотели интегрироваться. Хорошо, будем ходить друг к другу в гости раз в месяц, допустим, это нормальная интеграция, она никого ущемляет. Но если сосед мне скажет: „Давай сломаем стену, и у нас будут общие туалеты“, – против такой интеграции, я думаю, будут многие люди. Мне кажется, что, вступая в Болонский процесс, а министры это подписали, и это политический шаг, что мы должны иметь в виду? Мы должны отстоять свои позиции. То есть ни одна страна мира, ни Франция, ни Германия, это достоверно известно, они вообще-то не идут вслепую за теми решениями министерств, которые осуществлены. Я думаю, те попытки, которые были предприняты у нас частично по Болонскому процессу – это некоторая опережающая деятельность министерства. За последний год была произведена серьезная коррекция, в том числе и в результате критики Московским университетом. Уже двухступенчатая система начала по-другому рассматриваться, и проблема доктора по-другому начала рассматриваться. А ведь мы помним, как два-три года назад речь вообще шла об очень жесткой системе „три плюс два“ или еще худшие варианты. То есть вообще учитывают эти критические моменты. Я думаю, конечно, интеграция необходима, но, еще раз подчеркиваю, она не должна разрушить то, что мы имеем и те плюсы, которые имеются в нашем российском образовании. Колоссальные плюсы, которые позволяют наших специалистов приглашать, выпускников элитных вузов, хороших вузов, конечно.

Александр Костинский: То есть, мы можем так сформулировать позицию Московского университета, который в действительности не рядовой университет, он очень важен, и он все время находился в диалоге с Министерством образования, если не в оппозиции по некоторым вопросам. Все-таки, что Болонский процесс нужен, но он должен проходить разумно, он должен проходить с учетом местных особенностей.

Владимир Миронов: Безусловно. Не только наш университет, университет Дружбы народов не менее уважаемый, я думаю, и для него это важно. Интеграция должна подразумевать сохранение своего. То есть нельзя полностью перейти на тот путь, который предлагается извне.

Виктор Чистохвалов: Я бы поддержал Владимира в части интеграции. Это, бесспорно, мы люди академические, развитые, здесь никаких проблем нет. В

данной ситуации живут два соседа, продолжу ту же аналогию, живут два соседа, к примеру, они должны посмотреть, как обычно, если два частных дома, как живет твой сосед. Он купил новую машину, у тебя то-то есть, и всегда мы сравниваем с чем-то. И самое главное, что декларация – это не есть договор. Договор заставляет, обязывает. Был бы договор, он обязал бы нас соблюдать фундаментальность образования. Но зачем нам соблюдать фундаментальность, когда фундаментальность российской высшей школы находится на достаточно высоком уровне, например в Московском университете, Санкт-Петербургском, Казанском и так далее. Мы должны просто посмотреть, по какому течению мы плывем, кто идет рядом с нами или кто живет. Вот три позиции, которые стоят перед российской школой и которые надо решать. Например, мобильность, академическая мобильность. Существует ли она в России? Нет, это экзотика. Попробуйте из Университета Дружбы народов бюджетному студенту придти в Московский университет к Владимиру Миронову и попроситься – можно там пару недель поучиться? Что он мне ответит? Если это один студент, он скажет – ты мне заплати. А система мобильности, которая в Европе сейчас развита, предполагает, что есть взаимная компенсация, одна сторона компенсирует другую.

Александр Костинский: То есть это бесплатно для студента?

Виктор Чистохвалов: Практически бесплатно. Вот этого надо добиваться. И вот эта экзотика мобильности, если мы ее решим, решим даже не для наших, Владимир, с тобой детей, а только для внуков. Дай Бог, чтобы наши дети поехали туда, например, за границу. А почему за границу? В ближайшее зарубежье можно. И самое интересное, вот вы сравнили интеграцию с соседскими квартирами, а я сейчас ехал по загруженным улицам Москвы и представил: Ленинский проспект – это линия высшего образования. Едут машину в разные стороны, один едет на пятисотом „Мерседесе“, а второй на „Запорожце“, кто-то едет на „Пежо“ и на „Волге“, везде разная мощность, везде разные условия, но все соблюдают правила дорожного движения. Давайте с помощью этой Болонской декларации скажем, давайте вырабатывать некие позиции, на которые можно ориентироваться. Вот что, примерно, я бы ответил по этой части, Александр, на ваш вопрос.

Владимир Миронов: Конечно, в этой ситуации лучше всем пересесть на „Мерседесы“.

Виктор Чистохвалов: Денег нет. И не всегда на „Мерседесах“ едут так, как на „Запорожцах“.

Владимир Миронов: По вопросу мобильности – вопрос тоже не простой. Есть мобильность двух типов. Что касается мобильности, о которой Виктор сказал, я согласен, университет ее всегда осуществляет. Как раз университет берет на стажировки и имеет договора с большим количеством вузов, в том числе и зарубежных, и СНГ, и Запада, и здесь проблем не существует. Но

мобильность имеет и другую сторону. Мы, к сожалению, здесь конкретику, видимо, вынуждены будем допустить. Дело в том, что мобильность в рамках Болонского соглашения подразумевает засчитывание оценки. Я прямо скажу, я еще и декан философского факультета, и я, например, не могу подписать и как заведующий кафедрой, и как декан, диплом человеку, который принес мне, условно говоря, в виде каких-то оценок другие предметы, но я знаю, что логику надо слушать у нас, социальную философию надо слушать у нас.

Александр Костинский: А что так сильно отличается в МГУ от других?

Владимир Миронов: Значительно отличается, и я надеюсь, что в лучшую сторону. Поэтому на самом деле мы формируем такое внутреннее. Когда человек кончает университет, допустим, философский факультет или мехмат, мы знаем, что он кончил мехмат, философский факультет, он имеет определенную специфику. И благодаря этому отличаются школы. Есть разные философские школы: есть питерская, есть московская школа, есть школы физиков или математиков. Если мы будем эту интеграцию усиливать, а она усиливается не только Болонскими процессами, но и Госстандартом (тут тоже я готов пополемизировать), мы получим некоторое усреднение. А система может развиваться, только когда в ней есть разнообразие. Поэтому я согласен с моим коллегой. Действительно, это очень важно, на самом деле Болонские декларации, декларация берлинская последняя, это только общие предложения. Но тогда непонятно, почему у нас в стране вузам многим, в том числе и университетам (МГУ несколько автономен от министерства), грубо говоря, так и предлагают: вот вы должны перейти на двухступенчатую систему, на то-то, то-то и то-то. Прежде, чем мы должны... Но так говорят, Виктор.

Виктор Чистохвалов: Слово „должны“ немножко настораживает. Кто говорит – должны?

Владимир Миронов: Министр, я сам лично в Петербурге с министром полемизировал.

Виктор Чистохвалов: Но он не говорит слово „должны“.

Владимир Миронов: Когда министр говорит нам, мы-то с вами в Москве и можем отказаться, мы живем нормально, но когда министр говорит периферийному вузу – переходите, вуз берет под козырек.

Александр Костинский: Следующий вопрос, который хотелось бы обсудить, это соотношение общего образования и элитного образования. Дело в том, что многие вузы Франции, Англии и Германии, так же, как и Московский университет, очень настороженно относятся к Болонскому процессу. Прокомментируйте, пожалуйста, Виктор Чистохвалов.

Виктор Чистохвалов: Эти опасения элитных или элитарных вузов вполне

обоснованы. Все они, как и Московский университет, стоят отдельной строкой в бюджете страны и напрямую не подчиняются Министерству образования. Дело в том, что во многих европейских странах не существует никаких образовательных стандартов. И те, которые в настоящее время вводятся, как справедливо тревожится Владимир, они устанавливают некий средний уровень, который значительно ниже, чем в элитарных вузах. Поэтому понятны опасения академической общественности именно этих вузов. Но проблема стандартов довольно глубока. Возьмите ту же Великобританию, три графства – три разных стандарта. В Америке 50 штатов – 50 разных стандартов. Если в одной стране не могут договориться о стандартах высшего образования, то что говорить о Европе. Я надеюсь, что к 2010 году только появится какой-то свет в окне в этом вопросе. И позиция этих элитных университетов вполне понятна, ее необходимо обязательно поддержать. Всегда должны быть противовесы, контрбалансы в любом процессе.

Владимир Миронов: Я хочу тоже прокомментировать. Я согласен в целом с Виктором. Я осенью выступал в Петербурге и зачитывал доклад по поручению Виктора Антоновича Садовниченко, вы, наверное, знаете этот доклад. И вот что интересно, передо мной были, в основном, восторженные отзывы о Болонье. После моего выступления, где я дал некоторые комментарии, выступал представитель Германии. И он фактически поддержал мою позицию, сказав, что многие земли и университеты просто не готовы к этому переходу и вряд ли откажутся от своей самостоятельности. А медицинские вузы это, вообще, особая вещь, это проблема для Болоньи. Но самое интересное началось после, когда начались кулуарные разговоры. Ко мне подошли представители всех организаций, которые занимаются Болоньей, и норвежцы, и шведы, все вручили свои визитки и сказали очень важную вещь: до сих пор мы как-то мало слышали критических высказываний о Болонье. И я так понял, что нам необходимо занимать позитивную позицию, что процесс нужен, но одновременно показывать, что у нас есть свои достижения. Я вступил в полемику по поводу автономии. Нам предложили вариант болонской автономии университетов, но, например, для Московского университета она смешна. У нас автономии на сто процентов больше.

Александр Костинский: Давайте более подробно поговорим о двухступенчатой системе – бакалавр-магистр.

Виктор Чистохвалов: Двухступенчатая система в нашей стране была введена в 96-м году, реально в 89-м году, то есть раньше, чем в остальной части Европы. И у нас проблем в этом отношении нет, мы уже давно перешли на нее. Но что означает переход на двухступенчатую систему? В соответствии с законом о высшем образовании, мы сохранили старую систему пятилетнюю. Инженер – обычно это пять или пять с половиной лет, ничего не изменилось. И так же мы ввели двухступенчатую или многоуровневую

систему. Бакалавр обучается четыре года, после выпуска он имеет право поступить в магистратуру, но не все поступают. В России получилось так, что примерно половина тех бакалавров, которые обучаются, имеют право поступить на бесплатную форму магистратуры, а остальные на платную форму. Если сравнивать с европейской или с американской системой образования, то вот эта степень магистра соответствует мастеру. Сроки обучения на Западе могут быть иные, чего опасался Владимир. Мы ввели четыре года для бакалавра, а в некоторых странах это три года. Магистратуру мы ввели два года, а во многих странах всего-навсего один год. То есть сроки обучения совершенно различные. Только вопрос: где может быть востребован труд бакалавра-выпускника и где магистра? Ясно, с магистром легче в нашей стране. Дипломированный специалист остался прежней квалификации, это инженеры и так далее. С бакалавром все труднее. До сих пор это большой недостаток. В нашей стране Министерство труда и Министерство образования не могут договориться, где может быть использован бакалавр. И чаще всего в России приравнивают бакалавра к степени среднего профессионального образования. Этот вопрос нужно решить в ближайшее время.

Александр Костинский: Мы видим, что большинство специалистов приходит к выводу, что России необходимо включаться в Болонский процесс, но включаться очень разумно, осторожно, не теряя те преимущества и те достижения, которые в нашей стране есть. Во всяком случае, не делать неосторожных шагов.

Болонское соглашение часть 2, 14 .4.2004, Радио „Свобода“

Александр Костинский: Здравствуйте, уважаемые радиослушатели. Сегодня мы продолжим разговор о Болонском соглашении. Болонское соглашение – это программа объединения высшего образования в Европе, программа создания единого образовательного пространства. Россия присоединилась к Болонскому процессу в октябре 2003 года в Берлине.

...

Сегодня мы обсудим конкретные шаги, которые необходимо сделать вузу для присоединения к Болонскому процессу. Мы поговорим о главных принципах объединения – о мобильности студентов, о кредитных единицах, о трудоустройстве студентов в Европе.

...

Чтобы создать единое образовательное пространство нужно выработать принципы сравнимости обучения в разных университетах. Предполагается, что инструментом такого сравнения может стать система кредитных единиц. Расскажите, пожалуйста, что такое система кредитных единиц?

Виктор Чистохвалов: Следует отметить, что кредитная система, я специально делаю ударение – кредитная, имеет свою историю и берет начало с 19 века. В 1869 году Джордж Элиот – ректор университета впервые ввел систему кредитных единиц для американских вузов. И уже через десять лет на эту систему перешла средняя общеобразовательная школа Америки.

Александр Костинский: Это не имеет отношения к деньгам?

Виктор Чистохвалов: Совершенно не имеет отношения к деньгам. Поэтому мы условились говорить вместо кредитной единицы - „зачетная единица“ для того, чтобы не спутать с экономической категорией. Но в нашем разговоре, я считаю, можно использовать как тот термин, так этот.

Александр Костинский: Скажите, пожалуйста, что это за система единиц, зачем она нужна? Как она позволяет сравнить разные университеты?

Виктор Чистохвалов: Давайте представим следующую ситуацию. Выпускник российского вуза приехал в любую другую страну, в Америку или Европу, и показывает приложение к диплому. И там написано: философия – 160 часов, математика – 200 часов. Естественно, специалисты или те люди, которые принимают его на работу, просто не понимают, что означает слово „часы“.

Александр Костинский: Нужны вообще-то знания, а не часы.

Виктор Чистохвалов: Либо это контактные часы с преподавателем, либо это часы, которые студент просидел в библиотеке. А, может быть, он где-то еще самостоятельно работал за компьютером – это большое значение имеет для западных вузов.

Александр Костинский: То есть это не только лекционные часы, это все часы, необходимые для прохождения данного курса?

Виктор Чистохвалов: Если можно, маленький экскурс. Я хочу разделить существующие типы кредитных единиц по континентам. Как я говорил, в американской системе существует система кредитных единиц, в которой студент за один год должен получить 30 кредитов. В Великобритании студент за один год должен получить уже 120 кредитов, а в странах Европейского Союза введена система – ECTS, то есть Европейская система зачетного перевода, здесь – необходимо 60 единиц. Таким образом, получается, что по числу этих кредитных единиц в западных странах есть различие.

Александр Костинский: Даже те, кто согласились принять эту систему, не всегда могут сравнить кредиты друг друга?

Виктор Чистохвалов: И понятие американского кредита отличается от европейского. В чем? В сущности этой единицы. В европейской терминологии зачетные единицы ECTS включают всю трудоемкость: и самостоятельную работу студента, и сдачу экзаменов, и его контактная работа с

преподавателем. В Америке кредитная система основана на времени контакта с преподавателем. Совершенно разные системы единиц.

Александр Костинский: То есть там прослушал – получил, а экзамены неважно, как сдал?

Виктор Чистохвалов: Экзамен туда не входит, это уже система оценивания – это несколько иной разговор, Александр. Но что самое интересное? На один ECTS-кредит приходится два американских и половина кредита принятого в Великобритании. Казалось бы, произведя эту небольшую арифметическую операцию, мы все приравняли и сравнили. Нет, Александр, как я пояснил, здесь есть разное понимание. И вот перед российской системой образования как раз и стоит вопрос – на какую из этих систем перейти? Я думаю, мы уже решили.

Александр Костинский: На какую, расскажите?

Виктор Чистохвалов: Я так понимаю, на систему ECTS.

Александр Костинский: Важный вопрос – что в нее входит? Допустим, я – работодатель, беру студента, меня интересуют не какие-то кредитные единицы, а что он знает, может человек работать или нет.

Виктор Чистохвалов: Смысл заключается в следующем: цель введения кредитных единиц известна, она имеет двойкий характер. Первое – это система накопления в течение всей жизни, как у американцев, и система трансфертов, переводов, как у европейцев. Смысл европейской системы в том, чтобы кредитная система позволила перемещаться студенту из одного вуза в другой, из одного государства в другое. Это означает, что философия, которую бы он прослушал в Московском Государственном университете, по числу неких единиц означала бы приравнивание философии, полученной в Берлинском университете. Это с точки зрения мобильности. А с точки зрения накопления, как американская система обычно пользуется, это означает образование в течение всей жизни. Вы закончили колледж, поступили в университет и затем сами создаете свою образовательную траекторию дальше. Вы можете быть инженером, а на выходе после дополнительных курсов вы можете быть экономистом, и вам все университетские курсы зачтутся. Вот для чего нужны эти кредитные единицы. Например, за математический анализ вы получили в каком-то вузе четыре кредита, и он вам засчитан при обучении на экономиста, где есть математика. Вот для чего это нужно.

Сразу же оговорюсь, и Владимир меня поддержит, в том, что на содержание образования кредитная система никакого влияния не оказывает. Она говорит только о том, что данный студент прослушал такую-то дисциплину, такой-то курс, которая может быть зачтена в другом вузе или у другого работодателя.

Александр Костинский: Мы затронули философию, а Владимир Миронов, проректор МГУ, философ, скажите, пожалуйста, можно ли сравнить фило-

софию, которая читается в Московском университете, где-то в Геттингене или где-то в Лондоне, могут ли они сопоставляться? Можно ли единой системой их померить?

Владимир Миронов: Здесь, действительно, проблема. Я с Виктором Николаевичем с одной стороны соглашусь, с другой стороны, подискутирую, для этого мы здесь и собрались. Но я бы начал немножко с другого. Моцарта можно слушать в любой стране, не переводя его на единый язык. Бах остается Бахом. Один выражает австрийскую культуру, другой немецкую, третий какую-то другую. Поэтому вообще надо задуматься, насколько нам нужно, и это я говорил в прошлый раз, насколько нам нужны такие стандарты. Внешне ситуация понятна. Действительно, это обеспечение мобильности. В Болонском соглашении об этом говорится, в конвенции, что система кредитов обеспечивает мобильность студента. Но мобильность за счет чего? Дело в том, что мобильность и система кредитных единиц означает, конечно, в определенной степени перестройку самой системы не столько оценок, сколько системы учебных планов. А это вещь достаточно серьезная.

Александр Костинский: То есть это в каком-то смысле сковывает. Потому что мы должны давать что-то общее, должна быть какая-то общая база.

Владимир Миронов: Сковывает, не сковывает – это вопрос дискуссионный. Может быть, это лучше, вопрос не в этом. Я говорю о другом, например, я, как декан философского факультета, мы об этом говорили в прошлый раз, если ко мне придет человек, прослушавший историю философии или логику на другом факультете, для меня сегодня в нашей стране автоматически не ясно, что все, что он прослушал в тех же часах, оно адекватно соответствует тому качеству, которое дается в Московском университете. И вообще говоря, в большинстве случаев нас могут упрекнуть в том, что мы против мобильности, мы не зачем эти дисциплины у нас, мы заставим пересдать, заставим дополнительно учиться, даже если часы совпадают. Я понимаю, что это, может быть, плохо звучит по отношению к студенту, но это факт. И у нас были случаи, когда у нас люди-бакалавры приходят из США, из других стран, и мы смотрим содержательно по программам, что они слушали, и мы, честно говоря, не можем им перезачесть огромное количество дисциплин, в том числе философию, и мы их заставляем пересдавать, и они на это соглашаются.

Поэтому, мне кажется, здесь есть такая опасность, действительно, мы должны очень осторожно подходить. Вот эти кредитные часы, они ведут за собой целую цепочку. Наверное, мой коллега скажет об этом еще. Есть целая цепочка изменений, которая, на мой взгляд, немножко противоречит нашей. Забегая вперед, скажу, что у нас традиционная система образования строится так, что у нас ранняя специализация. То есть у нас студент доста-

точно рано втягивается в специализированный процесс и у него есть научный руководитель, то есть практически это индивидуальная работа. Система тьютерства, связанная с системой кредитных единиц, она, как мне кажется, еще раз повторю – это моя позиция, она немножко отстраняет человека от индивидуальной работы. Я вашу книжку смотрел в прошлый раз, на 300 человек – один тьютер. У нас у научного руководителя десять человек, 15. Даже в старой советской системе начальник курса – это сто человек. Я еще раз говорю, что я не против объединения, не против объединения системы образования в единую, но надо поступать очень осторожно, потому что за этим лежит изменение системы учебных планов.

Александр Костинский: Прозвучало слово „тьютерство“. Расскажите, пожалуйста, что это такое, и как в действительности студент может выбрать свою траекторию?

Виктор Чистохвалов: Вынужден Владимира немножко поправить, потому что, как вы сейчас услышите, функции тьютера значительно отличаются от функций научного руководителя. Что влечет за собой внедрение системы кредитных единиц? Мы это ощутили в Российском Университете Дружбы народов именно в этом учебном году, когда в порядке эксперимента перешли на эту систему. Во-первых, это связано с реорганизацией учебного процесса. Но мы поняли, что в существующей системе стандартов, которую мы критикуем с Владимиром, стандартов высшего профессионального образования, у нас нет степеней свободы для того, чтобы осуществить эту систему кредитов. Сейчас примерно 20% всех дисциплин любого учебного плана по любой специальности свободны и предоставлены на выбор вузу, и 80%, конечно, закреплены стандартом, который нельзя нарушать.

Александр Костинский: То есть 20% – спецкурсы?

Виктор Чистохвалов: Это спецкурсы и курсы по выбору. Я ответственно заявляю, что если мы не перейдем на третье поколение стандартов, если не будут расширены полномочия вузов вплоть до 40, а может быть, не побоюсь этого слова, и 50% свободы в государственном образовательном стандарте, только тогда мы можем реализовать систему кредитных единиц. Почему? Сейчас мы разделили все предметы по любой специальности, по которой вводится система кредитов, на три типа. Первый тип – это система Гумбольта, о которой говорил Владимир: строго по учебному плану в нужный семестр, в нужное время. Следующая группа дисциплин, они обязательны, они входят в стандарт, но студент сам выбирает, в каком из семестров он выбирает эту дисциплину. Может ему в этом году хочется изучать философию, а в следующем культурологию и так далее.

Александр Костинский: Но все равно это обязательный предмет, и студент должен его изучать.

Виктор Чистохвалов: И 40-45% учебных дисциплин сам студент может выбрать, то есть сформировать свою учебную траекторию - вот что самое важное в этом деле организации учебного процесса. И коснусь, конечно, роли „тьютера“.

Александр Костинский: Класный руководитель, куратор.

Виктор Чистохвалов: Раньше называли „дядька“. Функции этого тьютера (мы пока другого слова не нашли, более емкого), его задача помочь студенту выбрать свою траекторию. Перед началом каждого семестра студент приходит к этому товарищу, тьютеру, который хорошо знает учебный план и весь набор дисциплин, который предстоит данному студенту преодолеть. И он с ним формирует, какие дисциплины в следующем семестре он должен прослушать добровольно. Но как только подписался студент под этим набором дисциплин на семестр, они становятся для него обязательными. Тьютер – это помощник, защитник, адвокат студента. Мы в университете ввели эту должность на каждом факультете, где у нас происходит эксперимент. Это два факультета: факультет гуманитарных социальных наук. В частности, Владимир, по философии, систему кредитов ввели. И на экологическом факультете. Мы уже и тьютеров ввели. Но вопрос, за чей счет их содержать? Они как бы не преподаватели. Значит, за счет университета. Где ставки брать? Мы установили, что зарплата тьютора должна быть равна средней зарплате преподавателя на данном факультете. Мы разработали специальные положения и Министерство образования взяло за основу наше положение о системе кредитов в Российском Университете Дружбы народов, и сейчас оно размножено и разослано во все вузы государственные и негосударственные Российской Федерации.

Владимир Миронов: У меня маленький комментарий в качестве нашей дискуссии, которую мы ведем. Действительно, у нас работает линейная система образования. Мне „линейное“ слово не нравится, я бы назвал по-другому, и акцент сразу будет понятен - последовательное. То есть ясно совершенно, что античность нужно пройти до средних веков, если брать философию, то же самое в математике и так далее. Меня беспокоит в болонской ситуации, в той форме образования, которую нам предлагают, что такое последовательное, систематическое образование заменяется мозаичным образованием. Я не знаю, наверное, вы бы не легли на операцию к хирургу, который достаточно поздно начал изучать анатомию. Наверное, если студент выберет в консерватории вместо пианино балалайку, консерватория тоже на это не пойдет. Я исхожу из идей Канта, что образование имеет элементы свободы, но надо помнить о том, что человек, который получает образование, всегда должен совершать некоторое насилие над собой. И образование делается не ради образования как такового, как процесса, а для того, чтобы у человека была система последовательных знаний, взглядов и так далее.

Я, конечно, опираюсь на опыт Московского университета, и замечания здесь справедливы. Может быть, дифференциация и нужна, но, мне кажется, что российская система последовательного образования, когда студент проходит на определенных этапах определенные курсы и завершает определенным экзаменационным процессом, эта система достаточно эффективна. И вообще мы должны попытаться эту систему сохранить, может быть, с какими-то дополнительными элементами свободы. Еще раз говорю, речь идет не о формальных вещах. Формальные вещи – это просто, пятерки перевести в стобалльную систему и так далее.

Что касается тьютерства. Тоже здесь проблемы нет. Советская система, как это ни парадоксально, дала идеальный вариант этой ситуации. Начальники курсов, помните, были? Потом в период перестройки куда-то ушла эта должность. Это были те самые „дядьки“, которые были посредниками между деканатом и студентами и одновременно были работниками деканата. Они выполняли все эти функции, они знали все. Они знали все о студентах, они знали, как это делать. И, на самом деле, это у нас было и успешно работало. Я эту страшную фразу скажу: но образование всегда немножко консервативно, может быть даже стоит вернуться к тому, что потеряно, что у нас было. Те же подготовительные отделения, почему-то мы от них отказались.

Виктор Чистохвалов: Владимир, интересная постановка вопросов. Я тоже сторонник нашей гумбольтовской системы. Мы, люди, которые занимаются учебным процессом, назвали это – „по диагонали“. То есть, если взять учебный план, провести диагональ, то дисциплины строго должны внизу следовать друг за другом. Я, конечно, не за мозаичность, о которой вы говорите. Дело в том, что вот эти 50-60% обязательных курсов как раз и построены на той системе, и никто не собирается их ломать. Более того, мы сейчас вводим так называемую модульную систему, которая поможет решить эту проблему. В частности, в физике, прежде, чем ты будешь изучать квантовую механику, пожалуйста, преодолей сначала математический анализ и классическую механику. И если ты модуль завершишь, то только квантовой механикой. Вот эта модульная система как раз и позволяет нам сохранить последовательность. Более того, при переходе на модульную систему, честно говоря, отпадает понятие сессии, экзаменационной сессии. То есть после модуля сдаешь экзамен-зачет и переходишь к другому модулю.

Александр Костинский: Очень много нареканий и опасений именно о модульной системе. Почему? Ссылки идут на западные университеты, где якобы люди получают, во всяком случае, в некоторых университетах на некоторых специальностях очень узкое образование. Если он специалист по романо-германской литературе, то он русскую литературу очень плохо знает, потому что свои модульные оценки, свои кредитные единицы он получает только по своей специальности. Получается, что человек недо-

получает фундаментальных знаний, но слишком узкий специалист.

Виктор Чистохвалов: Я еще раз повторю, что сама кредитная система не нанесет никакого существенного вреда содержанию нашего образования. Переход на модульную систему, он необязателен для вузов. Мы сегодня выпускаем дипломированных специалистов в очень узких областях: у нас сейчас официально 500 специальностей, нет такой страны в мире, чтобы по такому количеству специальностей готовили дипломированных специалистов.

Александр Костинский: То есть здесь мы впереди планеты всей?

Виктор Чистохвалов: Да, как всегда. И у нас сто направлений подготовки бакалавров и магистров. Если идти по пути подготовки бакалавров и магистров, то, естественно, бакалавры – это более широкое образование, без специализации. А с третьего курса студенты уже имеют научного руководителя. А магистерская специализация, вот здесь как раз модуль может хорошо сыграть свою роль, когда в узкой специализации магистерской программы он может освоить нужное ему очень узкое направление. Модульности бояться не нужно.

Александр Костинский: Давайте послушаем звонок.

Слушатель: Добрый день. Олег Смолин, заместитель председателя Комитета Госдумы по образованию и науке. Поскольку в российские СМИ попасть оказывается труднее, чем на „Свободу“ по обсуждению этого вопроса, хочу поучаствовать в вашей дискуссии. Хотел бы, чтобы уважаемые эксперты высказались вот по какой позиции. Я лично сторонник того, чтобы российское образование интегрировалось в мировое образовательное пространство, без всякого сомнения. Беда в чем? Очень неравные условия для работы специалистов в России и за рубежом. Минимальная заработная плата у нас 20 долларов, в Европе под тысячу долларов. Начинающий учитель или начинающий врач в России получают 40 долларов, в Европе две тысячи долларов и так далее. Не кажется ли вам, что если мы сделаем все как у них, а зарплату оставим как у нас, это приведет только к тому, что мы будем готовить специалистов для Западной Европы и потом будем повторять за Виктором Степановичем Черномырдиным „хотели как лучше, а получилось как всегда“? Причем, повторяю, все наши попытки поднять заработную плату интеллигенции в России до сих пор блокировались правительством. Не кажется ли вам, что проблему Болонского процесса надо решать комплексно, в комплексе с социальными проблемами страны?

Александр Костинский: Спасибо.

Владимир Миронов: Я очень рад был услышать, во-первых, моего коллегу, мы с ним общаемся, недавно книгу рецензировали, великолепная книга, скоро будет выходить. Я во многом соглашусь с этим, безусловно. Почему? Потому

что, когда мы говорим о мобильности, на сегодняшний день, учитывая все обстоятельства, о которых было сказано, действительно мобильность оказывается в одну сторону. Трудно представить, что к нам поедут специалисты, даже если у нас будет высокое образование, по многим очень причинам, в том числе и политическим причинам, и причинам безопасности и так далее. Поэтому опасность эта существует. Я тоже считаю, что Европа во многом в рамках этого Болонского процесса скорее решает свои проблемы. Проблемы трудоустройства огромного количества мигрантов, которые у них есть, в том числе и наши, которые туда приезжают и так далее.

Вообще говоря, для Европы сейчас, наверное, выгоднее получить людей, я, может быть, обижу кого-то, не очень высокого уровня образования, на уровне бакалавра, чтобы эти люди интегрировались потом, имея высшее образование, интегрировались в экономику Европы на уровне официантов, будучи бакалавром, и такие примеры уже есть. Потому что магистерская система ограничена, мы об этом говорили все время. Бакалавр – это, с одной стороны, высшее образование, с другой стороны, ясно, что неспециализированное. Ясно, что в науке он вряд ли будет работать. А магистр и количество этих магистров, учитывая специфику нашей страны, оно вообще приобретет настолько выборочный характер, что для многих людей он будет недоступен. Поэтому, к сожалению, это тот самый вариант интеграции, как объединение Германии. Можно было ГДР и ФРГ объединить в рамках какой-то новой конституции. Пошли по какому пути? По пути включения в качестве новых земель. И мы видим, что уже больше десяти лет прошло, но до сих пор люди, которые живут в Восточной Германии, вообще говоря, живут хуже, получают меньшие зарплаты и так далее.

Слушатель: Здравствуйте. Илья Николаевич, Москва. Существует тезис о том, что советское образование самое лучшее. В принципе, особенно в точных науках, я с этим согласен. Однако, вопрос: за последнее полвека большинство Нобелевских лауреатов по физике – это американцы американского происхождения. Это должно как-то нас подвигнуть к тому, чтобы об этом подумать. Второе: мне бы очень не хотелось, чтобы мы с порога отменяли какие-то возможности. Наша система хороша, но очень жестка, на мой взгляд, чрезмерно. Та система, возможно, хуже, но к ней надо приглядеться.

Александр Костинский: Спасибо большое. В общем, мы понимаем, что надо двигаться к Болонскому соглашению, но очень осторожно и сохраняя все лучшее, что есть в российском образовании.